

ПРОЕКТ

«ПУТИН»

**СТЕПАН СУЛАКШИН
ЛЮДМИЛА КРАВЧЕНКО**

ИТОГИ «ШЕСТИЛЕТКИ» ПУТИНА

РАЗБОР ПОЛЕТОВ

Степан Степанович Сулакшин
Людмила Игоревна Кравченко
Итоги «шестилетки»
Путина. Разбор полетов
Серия «Проект «Путин»»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31513951

С. С. Сулакшин, Л. И. Кравченко. Итоги «шестилетки» Путина.

Разбор полетов: ООО «ТД Алгоритм»; Москва; 2018

ISBN 978-5-906995-96-4

Аннотация

Авторы этой книги известны всем, кто интересуется российской политической жизнью. Степан Степанович Сулакшин – политический деятель, бывший Полномочный Представитель Президента РФ в Томской области, депутат Госдумы, генеральный директор Центра научной политической мысли и идеологии. Людмила Игоревна Кравченко – ведущий эксперт этого центра, автор многих проектов, связанных с политическим положением России. В своей новой книге Сулакшин и Кравченко разбирают итоги деятельности В. В. Путина на посту президента РФ за его третий президентский срок. Они сравнивают проекты «Россия» и «Антироссия» в цифрах, рассказывают

о манипуляции сознанием в путинской России, о том, что действительно происходило и происходит в экономической и социальной сферах нашей страны, о состоянии малого и среднего бизнеса, которых, по мнению авторов, правительство «водит за нос», о налогах, «Кремлю в радость, народу в тягость», о действительном уровне инфляции, о «плавающем курсе» рубля и, наконец, о взглядах на российскую молодежь и будущее России. Многие из того, что содержится в книге, до сих пор отражалось лишь в особых правительственных докладах.

Содержание

Кремлю в радость, народу в тягость	6
Зачем Кремлю нужна низкая инфляция?	6
Плавающий курс рубля	15
Как государство малый и средний бизнес за нос водит	25
Кремлю в радость, народу в тягость	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

**Степан Сулакшин,
Людмила Кравченко
Итоги «шестилетки»
Путина. Разбор полетов**

© Сулакшин С. С., Кравченко Л. И., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Кремлю в радость, народу в тягость

Зачем Кремлю нужна низкая инфляция?

Низкая инфляция – это предмет особой гордости Путина, который каждое свое публичное выступление подкрепляет статистикой по инфляции. На ПМЭФ, например, он отметил, что «уже сегодня мы практически достигли целевых ориентиров по инфляции, ожидаем, что по итогам 2017 года она будет ниже целевой, то есть ниже четырех процентов». Ради достижения целевого уровня по инфляции ЦБ отказался даже от своих конституционных обязанностей – поддержания устойчивого курса рубля. Не стал он заниматься и вопросом экономического роста, который напрямую определяется денежно-кредитной политикой. ЦБ посчитал, что главное направление – это борьба с инфляцией через удушение экономики. Образно можно сказать, что для борьбы с температурой достаточно либо устранить причины, вызвавшие ее, либо умертвить тело. Банк России выбрал вторую стратегию. Но почему статистическая борьба с инфляцией столь важна для Кремля?

Причин этому несколько:

– Банк России подотчетен президенту. Спустя столько лет провала «пришла» пора говорить о результате, тем более что президент вступает в предвыборную гонку;

– инфляция – один из параметров макроэкономики. Макроэкономические показатели влияют на решение иностранных инвесторов, вкладываться или нет в российскую экономику;

– чем ниже инфляция, тем больше государство сможет сэкономить на индексации пенсий. Ведь есть же разница, индексировать их на 10 % или на 4 % ежегодно;

– реальные доходы граждан, заработная плата, то есть доходы, скорректированные на показатель инфляции, будут тем выше, чем инфляция ниже. Поэтому статистическая подгонка с инфляцией еще улучшает и другие показатели.

Конечно, справедливо бы было добавить в этот перечень и заботу о гражданах, чьи бюджеты чувствительны к росту цен. Но в случае путинской России этот тезис неуместен, поскольку борьба с инфляцией ведется не в поле, а на бумаге через статистические манипуляции. О доказательствах этого факта мы и поговорим.

* * *

От чего в России зависит инфляция? Во всем мире она определяется курсом национальной валюты, издержками

производителей, тарифами на перевозки и электроэнергетику, налогами с малого и среднего бизнеса, импортной инфляцией и инфляционными ожиданиями. Однако оказалось, что в России она зависит не только и не столько от этих объективных параметров, сколько от хитростей подсчета, то есть методологии Росстата.

Параметр инфляции рассчитывается на основе трех групп параметров: продовольственные товары, непродовольственные товары и услуги населению. В расчет входит множество компонентов, каждый из которых имеет свой вес. Вот именно этот вес (!) и определяет, в какой степени на инфляцию влияют колебания цен на данные товары. Весовые коэффициенты же являются почвой для злоупотребления статистическими службами. Именно здесь рождается вранье. Рассмотрим основные способы подгонки инфляции.

1. Ежегодно доля каждого параметра меняется, скачет. При этом какой-либо логики в этих скачках нет, Росстат произвольно меняет доли. В расчете практически нет группы товаров, доля которых оставалась бы неизменной.

Изменения не являются устойчивым трендом на понижение или рост, они представляют собой хаотичное изменение курса тренда – то доля растет, то доля падает. Например, до 2014 года доля продовольствия в индексе цен снижалась, затем снова стала расти. Все это иллюстрация искусственной подгонки параметров для целей Росстата.

2. Примечательно в этой связи то, что Росстат с 2014 го-

да начинает увеличивать долю продовольствия, снижая долю товаров, которые были затронуты девальвацией. Пищевая промышленность и сельское хозяйство – наименее импортозависимые отрасли, хотя и по ним доля импорта компонентов (семена, оборудование и др.) оставалась высокой. Колебания курса рубля в наименьшей степени отразились на росте их цен, хотя по ним скачок по официальным данным составил 15 %. В то же время рост цен на товары импортного происхождения происходил пропорционально девальвации.

3. В расчете индекса цен есть категории товаров, доля которых завышена. Например, меха и изделия из меха покупает далеко не каждая семья, их доля составляет 0.5 п.п. Аналогичная доля приходится на яйца, которые закупает каждая семья, следовательно, этот параметр для расчета инфляции должен быть важнее, поскольку отражает уже реальное потребление, а не мифическое. Это же можно сказать и о росте доли затрат на покупку легковых автомобилей, которые точно не являются товаром, ежегодно потребляемым всеми домашними хозяйствами. А его доля росла, в период пика доходя до 7,55 %, с 2016 года начала снижаться. Правда, в оправдание Росстата можно привести данные по структуре расходов, в которых затраты на покупку автомобилей были еще больше. Но это средний показатель, составленный на основе усреднения затрат разных групп населения.

4. Не соотносится доля товаров в ИПЦ и с потребительскими настроениями россиян. Иными словами, если Росстат

меняет постоянно доли, то они должны были бы отражать изменения в спросе граждан, но этого не происходит. Структура потребительских расходов оторвана от методологии расчета индекса потребительских цен.

Например, оборот сети ресторанов в 2016 году снизился на 3 %, что говорит о том, что общественное питание упало в потребительской корзине граждан. Но в индексе инфляции, напротив, рост с 2,58 п.п. до 2,64 п.п. (2016). С первого взгляда процентные пункты – это мелочь, но в действительности при расчете итогового индекса свою лепту вносит каждый процентный пункт.

5. Еще одна особенность – высокая доля товаров и услуг, которые потребляются каждым домашним хозяйством не ежегодно. В то же время доля товаров первой необходимости, которые покупает каждое домашнее хозяйство, занижена. Например, в десятку самых главных затрат вошли легковые автомобили, алкогольные напитки. Хотя значительно более частые затраты – это услуги общественного транспорта, услуги связи, медикаменты.

Подобные «хитрости» Росстата позволяют с легкостью манипулировать итоговым значением потребительских цен, что, как видим, и делается.

* * *

Поскольку Банк России проводит денежно-кредитную по-

литику, исходя из уровня инфляции, ставка ЦБ во многом определяется ожидаемым уровнем инфляции.

Ставка определяется по формуле «инфляция +». Механизм соотношения инфляции и ставки прост: как только ЦБ видит, что инфляция сокращается, он смягчает денежно-кредитную политику через снижение ставки, и наоборот.

Длительное время Банк удерживал отношение ставки к инфляции в определенном коридоре. Можно говорить о существовании некоего ориентира этого показателя на уровне 1,1–1,5. Ставка Банка России была в основном на уровне инфляции. Однако в то же время были и нарушения этого тренда, когда ставка оказывалась ниже и когда ставка существенно превышала инфляцию. Чем это можно объяснить?

В периоды, когда инфляция была выше ставки, ЦБ ориентировался на экономический рост, стимулируемый смягчением денежно-кредитной политики. Так было в 2007–2008 гг., за которыми последовал кризис, вызванный изменением стоимости нефти. ЦБ тогда на год увеличил ставку, но в 2010 году она снова оказалась ниже инфляции. В 2013 году ЦБ принимает решение ориентироваться не на учетную, а на ключевую ставку, которая была на три п.п. ниже учетной. Тогда мы снова видим эффект низкого коэффициента.

То есть можно говорить, что в определенные исторические промежутки времени Банк России стимулировал экономику за счет удешевления кредита. Исходя из этого, в по-

следующие годы Банк должен был держать это соотношение близким к 1:1. Однако вместо этого возник прецедент, который раньше за срок Путина не наблюдался. А именно параметр инфляции вдруг резко пошел вниз без объективных на то причин, а Банк России ставку изменяет совершенно незначительно. В 2016 году уровень инфляции стал почти в два раза ниже ставки, в этом году отношение еще больше. А сам коэффициент вырос с 0,98 (2015 г.) до 1,96 (2016 г.). По исходной логике ЦБ должен был бы снизить ставку до 5–7 %, но никак не останавливаться на уровне 9,25 %. Но этого он делать не стал. О чем это говорит? О том, что реальный уровень инфляции намного выше, чем нам сообщают статисты и чиновники, – по всей видимости, он в границах 8–13 %.

Отношение ставки к инфляции показало, что в 2016 и 2017 годах инфляция определялась не политикой ЦБ, а работой Росстата, который подгонял методику расчета таким образом, чтобы президенту на стол наконец-то легли отчеты с заветными целевыми показателями по инфляции. Реальная инфляция находится в границах 8–10 %. Именно поэтому Банк России не спешит возвращать ставку к досанкционному 2013 году, когда она составляла 5,5 %. Вообще-то, это называется враньем...

Прав ли ЦБ, что в основу денежно-кредитной политики закладывает инфляцию, а не экономический рост? На этот счет существуют две точки зрения – официальная, она же либеральная, и позиция аналитического сообщества. Согласно

первой, смягчение денежно-кредитной политики провоцирует инфляцию. Только обуздав инфляцию, можно пускать деньги в оборот. В более примитивном варианте это вылилось в то, что чем меньше денег в обороте, тем ниже инфляция. Однако мировой опыт показал, что в границах определенного уровня денежной массы существуют свои пределы инфляции. Для России при M2 ниже 50 % от ВВП такой потолок по инфляции равен 6–8 %. Да к тому же при таком уровне M2 не происходит стимулирования экономического роста. Иными словами, власть выбирает пресловутую стабильность вместо роста экономики.

Восстановление денежно-кредитного оборота до уровня западных стран должно происходить через Государственный внебюджетный инвестиционно-кредитный фонд, что позволит направить средства именно в экономику, а не на разгон инфляции. Но, к сожалению, подобную точку зрения отрицает либеральная элита, апеллируя, как показал ПМЭФ, к недостатку практического опыта у инициаторов роста денежной массы. Мировая статистика 200 стран, математические регрессионные и детерминированные модели – для них не аргумент.

* * *

«Нас обманули» – вспоминаются слова президента. Они в равной степени уместны по отношению к российскому наро-

ду, которому сообщают, что в экономике наметился подъем, что инфляция достигла рекордно низкой отметки.

Инфляция на уровне менее 4 %, которую обещает президент, стала красивым довеском в его предвыборную корзину достижений путинской эпохи. Вот только она ровно такой же мыльный пузырь, как и все прочие экономические «победы» Путина.

Плавающий курс рубля

В 2005 году А. Улюкаев, который тогда занимал пост заместителя председателя ЦБ РФ, говорил о переходе к плавающему курсу рубля в среднесрочной перспективе (3–5 лет). Тогда необходимость такого маневра объяснялась потребностью ослабления рубля в ситуации значительного притока экспортной выручки. Это решение принималось в принципиально иных экономических условиях: финансовая стабильность, высокие цены на нефть, устойчивость курса, благоприятный платежный баланс. С 2012 года началась подготовка к переходу к плавающему курсу, завершение которого было назначено на начало 2015 года. Новые экономические условия, в которых оказалась страна, – падение цены на нефть, санкционное давление, рецессия в экономике – требуют стабилизации рубля через активную политику Центрального Банка, который, напротив, принимает решение о фактическом самоустранении.

Во-первых, переход к плавающему курсу недопустим при экономической нестабильности, поскольку плавающий курс лишь повышает риски неустойчивости. Даже советы «лучших мировых экспертов», на которые опирается руководство страны, в текущих реалиях российской экономики абсолютно противоположны. К примеру, Инвестбанк Morgan Stanley считает, что в условиях санкций режим свободно-

го курса рубля выглядит невероятным, учитывая огромный корпоративный внешний долг России. Инвестбанк прогнозирует угрозы для финансовой и ценовой стабильности в России. Помощник президента России Андрей Белоусов заявлял о том, что Россия не готова к плавающему курсу рубля. Волатильность валюты также способна дестабилизировать внешнеторговые сделки, привести к убыткам в связи с невозможностью выполнения ранее заключенных контрактов, к примеру как это случилось в 1993 году. Тогда в марте из-за «обвального» падения курса рубля многие российские компании были вынуждены расторгнуть долгосрочные контракты в убыток себе.

Во-вторых, мировая практика показывает, что эффективным плавающий курс может быть только в странах с развитой промышленностью, где основная статья экспорта – это продукция производства.

В мире 34 % всех стран мира установили режим плавающего валютного курса. Это 65 стран, из которых 29 придерживаются курса свободного плавления, при котором интервенции возможны только в особых случаях, 36 – плавающего курса, то есть цена валюты складывается, исходя из рыночного формирования спроса и предложения на них. Из полностью перешедших к свободному плавающему курсу 17 – это страны зоны евро. В остальных 13 государствах доля промышленности в экспорте превышает 70 %. Из нефтедобывающих стран в этот список попали только Мексика, но

даже в ее структуре экспорта топливо и сырье – 15,9 %, промышленность – 74,9 %, и Норвегия. Есть также группа стран с плавающим курсом (36 государств), в состав которой входят африканские государства, азиатские, а также два постсоветских – Армения и Молдавия. Из стратегических партнеров России плавающий курс имеют Турция, Индия и Бразилия. В сравнении со свободным плаванием для этих стран предусмотрены менее жесткие требования к валютным интервенциям Центральных Банков. Именно развитые страны располагают развитым рынком страхования валютных рисков, которые усиливаются из-за характерного для плавающего курса роста волатильности валюты.

Для стран-экспортеров нефти с моноспециализацией характерны иные валютные курсы. За исключением Норвегии, все нефтедобывающие государства придерживаются режима стабильных, или фиксированных, курсов.

* * *

Несмотря на явные аргументы против, ЦБ осуществил переход к плавающему курсу. Обоснования этого решения не выдерживают критики.

«ЦБ не придется тратить золотовалютные резервы на игре со спекулянтами». В задачу Центрального Банка входит защита и обеспечение устойчивости рубля (ст. 3 закона о Банке России). Когда валюта ежедневно отклоняется на несколько

пунктов, возникает вопрос о том, насколько ЦБ действует в соответствии с возложенными на него задачами.

«И чем больше Центральный Банк будет предпринимать попыток искусственно его удерживать или регулировать, тем большее количество спекулянтов будет наживаться на наших золотовалютных резервах». Спекулянты выигрывают и при плавающем курсе, когда его волатильность становится выше и на курсообразование влияет любое событие.

Если ранее ЦБ мог стабилизировать ситуацию на рынке и хоть как-то ей управлять, то теперь наиболее влиятельными игроками могут стать крупнейшие экспортеры, которые располагают валютной выручкой.

Поскольку на их долю приходится 72 % поступающей в страну выручки в иностранной валюте и список крупнейших сырьевых поставщиков не изменен, именно они получили возможности спекулировать на рубле в свою пользу.

«Имея в виду однобокость нашей экономики, дальнейшее падение цен на энергоносители давит на курс, и рубль продолжает дешеветь по отношению к доллару и к евро». Действительно, динамика цен на нефть совпадает с динамикой курса рубля. Но, во-первых, признание однобокости экономики не решает проблем, а дальнейших предложений не выдвигается в силу того, что для этого нужен продолжительный срок (но разве это не задача долгосрочного стратегического планирования, которое в идеале уже осуществляется в стране 14 лет?). Во-вторых, снижение котировок на нефть

не влияет столь существенно на валюты других стран-нефтеэкспортеров. Курс рубля следует за ценой на нефть, но влияют на него и такие факторы, как геополитические условия, санкции и целенаправленная политика российской власти, для которой слабый рубль позволяет устранять дыры в бюджете, «увеличивать их на курсовой разнице». Однако это неперспективная политика, которая ведет к обнищанию людей, так как дорожает основная продукция, которую они потребляют (импортная). Рост цен и сокращение платежеспособности граждан ведет к падению спроса, а именно потребительский спрос долгое время выступал драйвером российской экономики. При падении спроса предложение будет сокращаться, то есть промышленное производство – падать, это снизит налоговые поступления. Тогда и бюджет столкнется с трудностями пополнения доходной части не из нефтегазовой сферы, динамика темпов роста ВВП станет отрицательной. Усугубит эту негативную тенденцию еще больше плавающий курс рубля, который используется как механизм выравнивания диспропорций платежного баланса. При дальнейшем его ухудшении (а это происходит из сокращения разницы между экспортом и импортом, из-за отрицательного инвестиционного дохода в связи с высоким оттоком капитала, в том числе из-за необходимости оплачивать огромный корпоративный внешний долг) курс рубля будет падать.

Ошибочная идея о необходимости плавающего режима даже пропагандируется на уровне системы высшего образования. Так, в одном из учебников по экономической теории предлагается следующее объяснение эффективности плавающего курса рубля: «рассмотрим использование “плавающего” валютного курса в условиях постоянного дефицита платежного баланса России. Если платежный баланс страны будет регулярно сводиться с дефицитом, то вследствие уменьшения суммы долларовых поступлений на российский рынок цена национальной валюты по отношению к другим иностранным валютам будет снижаться. Это вызовет удешевление российских товаров на внешних рынках и рост российского экспорта. Увеличившийся приток иностранной валюты снизит спрос на нее, и курс рубля повысится».

Схема идеально работает для государств, продающих товары, себестоимость которых складывается из издержек на внутреннем рынке. Поскольку Россия на внешний рынок продает нефть и газ (это 72 % ее экспорта), цена на которые формируется на внешнем рынке, удешевления российских товаров не произойдет, так же как и роста их экспорта. Напротив, та незначительная доля промышленных товаров, которые поставляются на внешний рынок, подорожает вследствие того, что при их производстве используется им-

портное оборудование и импортные сборочные компоненты, цена на которые вырастет с ослаблением рубля. Это в очередной раз доказывает, что плавающий валютный курс выгоден странам-производителям промышленных товаров. Для сырьевой державы он чреват рисками, поскольку стоимость валюты в таких условиях может сильно колебаться в зависимости от конъюнктуры на сырьевых рынках и притока иностранного капитала. Поэтому, прежде чем приходить к плавающему валютному курсу, стране как минимум нужно было диверсифицировать свой экспорт по товарной номенклатуре, а не по странам-партнерам, как это сейчас реализуется под лозунгом диверсификации.

По заявлению либерального экономиста Е. Ясина рынок мог бы отрегулировать курс национальной валюты лучшим образом, стабилизироваться, дойдя до дна. Это и демонстрирует рубль – планомерно опускается к своему дну, в то время как в задачу Центрального Банка входят его защита и обеспечение стабильности.

Глава Банка России Э. Набиуллина утверждает, что «плавающий курс смягчает воздействие на экономику со стороны негативных внешних факторов. Сейчас ослабление рубля помогает экономике адаптироваться к изменившимся условиям, поддерживает рост экспорта, создает условия для импортозамещения». Если тезис о поддержке экспорта не вызывает сомнений, то оптимизм по поводу условий для импортозамещения не обоснован. Импортозамещение в дан-

ном случае сводится к удорожанию импортной продукции, которая окажется неконкурентоспособной с российской.

В идеальных рыночных условиях так и могло быть, но для России, которая не производит, испытывает нехватку инвестиций в обрабатывающую промышленность, это не приведет к вытеснению импортной продукции, а увеличит цены на рынке.

Центральный Банк и экономисты также указывают на то, что плавающий курс позволит лучше управлять инфляцией, однако для России, где 81,9 % одежды, 90,5 % обуви, 70,8 % медикаментов, 40–95 % видов бытовой техники, 70 % автомобилей, более 30 % пищевой продукции – импортные товары, плавающий курс порождает инфляцию: продавцы стараются заложить в цену продукции риски волатильности валюты, себестоимость продукции повышается при снижении курса рубля, и это ведет к отклонению от целевого уровня инфляции, к резкому росту цен. Не таргетирование инфляции может помочь российской экономике, а устранение дефицита денежной массы. При действующем уровне монетизации инфляция не будет ниже 6 %.

* * *

Что будет дальше? При свободно плавающим курсом рубля ЦБ имеет возможность совершать интервенции. Но, согласно стандартам МВФ, Центральный Банк имеет право осу-

ществлять интервенции не чаще, чем 3 раза в полгода продолжительностью не более трех дней. В ином случае курс определяется не как свободно плавающий, а как плавающий. При таком жестком регулировании усилия по поддержанию стабильности национальной валюты будут иметь минимальный эффект.

Центральный Банк активно стал использовать другой инструмент влияния на курсы валют – процентную политику. Банк России через изменение ключевой ставки воздействует на рублевую массу. Для укрепления рубля происходит ее сокращение (изъятие), что создает риски ликвидности банковского сектора и сдерживает экономический рост в стране. Стоимость кредитов возрастает, они становятся недоступным источником инвестиций для секторов экономики.

Хотя слабый рубль – это и результат политики ЦБ, когда он еще старался поддерживать национальную валюту, плавающий курс не несет в себе положительных элементов. Его негативное влияние будет проявляться в резких курсовых скачках, а это и порождает ажиотажный спрос у населения и спекулятивные настроения на рынке. Курсовые скачки и дальнейшее ослабление рубля (а это неминуемо при плавающем курсе в текущих экономических условиях) ударит по компаниям, которые кредитовались на внешнем рынке. Не исключено, что историй, аналогичных Мечелу, в России появится множество, также и то, что помощь будет оказана в первую очередь крупнейшим нефтяным компаниям. По-

страдают и компании, работающие на импортной продукции, – а это вся сборочная отрасль, легкая, фармацевтическая, пищевая и другие отрасли промышленности. Падение платежеспособного спроса на их продукцию неминуемо.

Прогнозируя будущий курс, стоит отметить, что отыграть позиции рубль не сможет. Наиболее благоприятный прогноз на 2018 год – 45 рублей за доллар (это по оптимистичной оценке), более вероятный – от 60 рублей и ниже.

* * *

Плавающий курс рубля – это очередной этап программы самоустранения государства из экономики страны, которая планомерно осуществляется российским руководством под лозунгом эффективности частного собственника и рыночных механизмов.

Это путь легкой настройки экономики – выравнивания платежного баланса без корректировки внутреннего курса, модели экономического развития страны.

Как государство малый и средний бизнес за нос водит

Еще недавно правительство отчиталось об успешном выполнении положений указа Путина о повышении России в рейтинге ведения бизнеса. Россия не достигнет целевого уровня 20-го места, но сам скачок на 80 позиций с момента принятия указа говорит о том, что положение дел в сфере ведения бизнеса в России должно было улучшиться. И если это так, то прямым доказательством выступает рост деловой активности – от малого и среднего бизнеса до крупного корпоративного. Однако здесь мы сталкиваемся с данными Счетной палаты, которые говорят, что за последние 6 лет количество занятого населения в сфере субъектов МСП сократилось на 3,2 млн рабочих мест, хотя неформальный сектор растет.

Но если Россия улучшила бизнес-климат, раз она поднялась в мировых рейтингах, то бизнес должен был стать более открытым, но этого не произошло. Напротив, он ушел еще больше в тень. Выходит, что бумажные рейтинги – это одно, а реальность показывает обратные процессы.

Малый бизнес в России превращен в фантом. На рынке действуют фирмы-однодневки и те, кто функционирует только на бумаге. Благодаря этому статистика по числу субъектов малого и среднего бизнеса (МСБ) растет. Но числен-

ность занятых в малом бизнесе сокращается, что только доказывает, что малый бизнес в России официальный – это фикция, а реальный все больше предпочитает уходить в тень от всевидящего ока чиновников и силовых структур. За 6 лет число субъектов МСБ выросло на 26 % (с 4,6 до 5,8 млн), а численность занятых сократилась с 19 млн до 15,8 млн.

В 2016 году число ликвидированных предприятий превысило вновь созданные. Учитывая экономическую ситуацию на рынке, такая картина не вызывает удивления. Бизнес сталкивается с падением платежеспособного спроса населения на фоне сокращения реальных доходов.

Согласно статистике Росстата, 39 % всего малого бизнеса – это торговля. В основном это мелкие магазинчики, в том числе и Интернет. Для них последние годы были осложнены девальвационным шоком, когда курс рубля в два раза упал по отношению к доллару. Ударом стало сокращение спроса среди населения, а также рост операционных расходов – на электроэнергию, аренду и оплату нового торгового сбора на территории городов федерального значения. Новым испытанием для торговых точек стали поправки в ФЗ № 54 «О применении контрольно-кассовой техники», который поставил под угрозу региональных малых предпринимателей, не способных обеспечить его выполнение, и создал условия для развития крупных торговых сетей.

21 % малых предприятий относится к сфере обрабатывающей промышленности. Они испытывали проблемы с инве-

стициями в основной капитал, поскольку стоимость кредитов резко выросла из-за повышения ключевой ставки ЦБ. На них так же негативно повлияли девальвация и падение спроса.

7 % малого бизнеса приходится на транспорт и связь. Для этого сектора главным вызовом стало введение платы на большегрузы по системе «Платон». В результате этой меры часть перевозчиков была вынуждена уйти с рынка, не выдержав жесткой ценовой конкуренции. Возросшие в последние годы ставки акцизов на топливо также ударили по малому бизнесу в секторе транспорта, оказав влияние и на другие отрасли, зависимые от транспортных услуг.

Статистически еще можно создавать видимость развития малого бизнеса и утверждать, что бизнес устойчив, поскольку растет число созданных предприятий. Однако новые предприятия – это зачастую перерегистрация старых, которые стремятся попасть под налоговые каникулы, а также избежать проверок. Кроме того, предприятия МСП ответили на глупость чиновничества своей хитростью: распустили персонал, превратив свои организации в ИП (индивидуальное предпринимательство).

Число МСП якобы увеличилось, но число фиктивное. В российских городах уже сложно скрыть проблемы на фоне роста пустующих арендных площадей. Малый бизнес старается занимать те ниши, которые будут востребованы, – это торговля и общепит, в то время как остальные чреватые вы-

сокими рисками. Если на Западе малый бизнес продвигает науку и инновации, то в России он максимально далек от этих секторов. Он же уходит в тень, избегая налогов на фоне низкой рентабельности. Часть малого бизнеса с этой целью переходит в Интернет, экономя на аренде.

Иными словами, малый бизнес приспосабливается к российским государственным новациям, примеряя на себя стратегию выживания, пока крупный бизнес, в первую очередь ТЭК, получает все сливки государственного бюджета. Согласно данным Бориса Титова, около 22 млн россиян являются незарегистрированными предпринимателями, то есть не платят налогов, пенсионных отчислений. Уход в тень, таким образом, становится вынужденной мерой малого бизнеса, заинтересованного в самосохранении. Ведь пока власть рассуждает о том, что прогрессивное налогообложение, которое затронуло бы людей состоятельных из сферы крупного бизнеса, вводить не стоит, Министерство финансов продолжает латать дыры бюджета за счет всех россиян через введение новых сборов, налогов, нововведений в законодательство, неразумную экономическую политику.

* * *

Первые лица государства уже неоднократно в своих выступлениях объявляли о приоритетности поддержки малого и среднего бизнеса. Для этих целей функционирует банк

МСПБ, предоставляются льготные кредиты, реализуются государственные программы поддержки. Но эффективность, да фактически неработоспособность, государственной программы признали низкой даже аудиторы Счетной палаты. Согласно аудиторскому заключению, в 2016 году получить помощь от государства в рамках плана смог лишь 1 % субъектов малого и среднего бизнеса, в то время как годом ранее охват был в четыре раза шире. Часть денег, согласно заключению Счетной палаты, ушла на «распилы». Дошедшие до малого бизнеса средства также не лишены коррупционной составляющей, то есть реально господдержку получил менее чем 1 % малого и среднего бизнеса. Аудиторы выявили такие коррупционные схемы получения государственной помощи, как:

- дробление фирм и финансирование разных организаций, принадлежащих одному и тому же лицу. Например, в Калужской области вся финансовая поддержка ушла четырьмя ООО, соучредителем которых является одно и то же физическое лицо;
- создание фирм-однодневок для получения государственной поддержки. В Брянской области из 60 юрлиц, получивших поддержку, 22 организации были зарегистрированы непосредственно перед получением помощи;
- предоставление поддержки ежегодно одним и тем же субъектам МСБ.

Неэффективной, по заключению аудиторов, стала и ин-

формационная поддержка, так как созданные сайты не имеют актуальной информации.

Отдельной мерой поддержки выступает доведение доли малого бизнеса в госзакупках до установленной квоты. В июне 2016 года была принята стратегия развития МСБ до 2030 года. Согласно стратегии, должно производиться постепенное наращивание обязательной квоты на закупки у субъектов малого и среднего предпринимательства. Сейчас госкомпании должны отдавать 10 % заказов малому и среднему бизнесу на спецторгах (закупки до 200 млн руб., то есть прямые закупки у МСБ) и 18 % – от общего объема заказов. С 2018 года доля прямых закупок увеличится до 15 и 25 % от общего объема. В 2016 году этот показатель был достигнут, однако препятствий для малого бизнеса в этой сфере множество. Как отмечает «Опора России», среди главных проблем, с которыми сталкивается малый бизнес при участии в госторгах, – необходимость прохождения добровольной сертификации, притом, что стоимость такой услуги может достигать до 1,5 млн руб.

Крайне злободневна и проблема ценового демпинга. В ряде отраслей снижение цены контракта составляет 60 %, но критерий цены выступает приоритетным, и контракт уходит часто фирмам, профессиональные кадры которых не подготовлены для его исполнения. Запутанным остается вопрос о получении лицензии на допуск к государственной тайне – сохраняется противоречие в правилах, регламентирующих

порядок получения таких лицензий. К этому стоит добавить и то, что заказы получают «свои» организации. Да и не для всех участников требования предоставления банковской гарантии на сумму от 5 до 30 % начальной цены контракта либо перечисления своих или кредитных средств на счет заказчика являются выполнимыми.

Объемы государственной помощи, исчисляемые поддержкой всего 1 % субъектов, недостаточны для задач реального, а не бумажного роста малого бизнеса и диверсификации экономики.

Кремлю в радость, народу в тягость

...Радостная для чиновников новость о росте ожидаемых доходов федерального бюджета в 2017 году должна быть столь же приятной и для российских граждан, которые могли ожидать повышения расходов на первостепенные для граждан отрасли – образование, здравоохранение, культуру. Но этого не произошло. Бюджет остался по-прежнему дефицитным, а расходы выросли только на определенные отрасли. Дополнительные доходы в 2017 году не покрывают дефицита государственного бюджета, хотя и уменьшают его с 3,2 % ВВП до 2,1 %.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.